

АННА ДЖЕЙН

КРАСНЫЕ
ИСКРЫ
СВЕТА

ЧАСТЬ 2

АННА ДЖЕЙН

КРАСНЫЕ
ИСКРЫ
СВЕТА

Том 2

ГЛАВА 1

НЕМЕЦ ТОТЧАС ОТКРЫЛ ГЛАЗА и повернулся в сторону Ярослава. Ему показалось даже, что смотрит он прямо на него.

— Выходи, — велел Карл громко. Впрочем, в его голосе было ледяное спокойствие.

Ярослав тотчас захотел убежать, чтобы не встретиться с немцем лицом к лицу, однако какой-то невиданной силой его буквально выдернуло на поляну.

— Доброй ночи, — вежливо поприветствовал Ярослав дядю Полины.

Тот уже встал на ноги и спрятал руки в карманах спортивной фирменной кофты.

— Ночь доброй не бывает.

— Вам лучше знать. Чем вы тут занимаетесь? — поинтересовался Зарецкий.

— Энергетические практики, — невозмутимо ответил Карл, перепутав падеж.

— Вы в это верите? — с недоумением спросил Ярослав. Из энергетических он пробовал только напитки.

— А ты? — пристально взглянул на него немец.

— Я же не дурак. — В голосе парня появилось самодовольство.

— Мне следует воспринять это как оскорбление? — спокойно поинтересовался Карл.

— Нет, — дерзко ответил Яр, зная, что завтра обязательно пожалеет о своем поведении — как-никак дядя вроде бы любимой девушки, с ним нужно быть обходительным и вежливым. Но сейчас ничего не мог с собой поделать.

— Что ты хочешь? — спросил немец, темными, тускло сверкающими глазами разглядывая Зарецкого, которому было очень не по себе.

Ему вдруг подумалось: и как Мельникова целует этого кабана? Не противно ей? Он так же сканирует ее всякий раз, когда они вместе?

— Поговорить, — вырвалось у Яра против воли.

— Ночь не самое лучшее время для разговоров, — философски заметил Карл, приподняв темную и без того изогнутую бровь. — О чем ты хотел поговорить?

— О любви, — хмыкнул Ярослав, понимая, что терять все равно нечего.

— Надеюсь, ты не влюблен в меня? — насмешливо спросил Карл, и Яр выругался про себя.

— Точно нет, — скривившись, сказал Зарецкий и, расправив плечи, спросил: — Вы ее любите?

— Кого? — не сразу даже понял немец.

И это почему-то парня обрадовало. Если между ним и Дном ничего нет, то тогда свою месть можно будет реализовать куда быстрее.

— Энергетическую практику, конечно, — ответил Яр весело.

— Думаю, тебе лучше уйти, — все так же не повышая голоса, сказал Карл. — Мне надо побыть одному. Но если ты имеешь в виду Анастасию, то нет. Я ее не люблю.

— То есть у вас ничего нет, верно? — решил идти до конца Зарецкий.

— Верно.

Сова вдалеке заухала так, словно ей наступили на хвост, — злобно и громко.

— И с ней могут встречаться другие? — продолжал Яр, пытаясь выдержать тяжелый сканирующий взгляд немца.

— Кто это сказал? — вкрадчиво поинтересовался Карл. — Я не привык отдавать свое.

Игра в гляделки продолжилась.

— Понятно. Тогда оставляю вас для дальнейшей работы с энергетическими практиками, — держась из последних сил, заявил Ярослав. От немигающего взгляда глаза слезились, и в них появилась легкая режущая боль. — Прошу извинить, что помешал наслаждаться природой и энергетикой.

С этими словами Зарецкий развернулся и элегантно вошел в кусты, откуда пару минут назад выскочил. Путь к тропинке стоил еще нескольких царапин и десятка бранных слов, которые Яр шипел себе под нос. Обратно он почти бежал, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд, леденящий душу. Совершенно не вовремя вспомнилась легенда об озерной ведьме. По одной из ее интерпретаций, рассказанных сегодня во время празднования дня рождения Вана, ведьма выходила на сушу каждое полнолуние и убивала лесных путников. Яр, который до жути боялся триллеров и ужастиков, чувствовал себя загнанным в ловушку кроликом и то и дело оглядывался по сторонам, шарахаясь от каждой тени.

Из леса он выскочил едва ли не бегом и направился к своему коттеджу, чувствуя на себе пристальный взгляд. Лишь только когда парень оказался в доме, неприятное ощущение, что на него смотрят, пропало.

Глотнув привезенный кем-то домашний сидр, Яр устроился прямо в гостиной, на диване, — все остальные спальные места были заняты. И хотя диван показался ему неудобным, в сон, как в темную пропасть, парень провалился почти мгновенно. Но тотчас проснулся, потому что в глаза ему кто-то упрямо светил фонарем. Он повел головой, крепко зажмурившись от яркого света. И тотчас услышал смутно знакомый звонкий голосок:

— Вставай, балбес. Ну же, шевелись. У нас мало времени. Подъем! Дал же бог брата дурака... Вставай!

Ярослав, закрывая рукой лицо, сел на диване. Он никак не мог вспомнить, кто из девчонок его будит и зачем. И злился, что его сну столь нагло помешали.

— Что за... — спросил было он, отнимая ладонь от прищуренных глаз, но осекся, уставившись на девочку лет четырнадцати-пятнадцати, которая стояла перед его диваном с фонарем в руке.

Девочка задорно улыбалась. И Ярослав тотчас понял, что спит. Потому что иначе быть не могло. Потому что иначе это означало бы лишь одно — его сумасшествие.

— Даша? — изумленно прошептал Ярослав, узнавая сестру.

Она ни капли не изменилась и оставалась все такой же: со смеющимися зелеными — как у него — глазами, ямочкой на подбородке, заговорщицким выражением лица. И даже топик на ней был ему знаком — в

нем Даша последний раз вышла на улицу, чтобы потом потеряться в бездне. Раньше она никогда ему не снилась — после того, как ее не стало.

— Даша-Даша, — махнула рукой сестра и широко улыбнулась Ярославу.

— Но ты же... — прошептал он, поднимаясь на ноги.

Ярослав хотел сказать «умерла», но старшая сестра, навечно оставшаяся подростком, прижала к губам указательный палец.

— Тихо ты. Не говори ничего. Я тут. Я с тобой. Пойдем погуляем, поговорим? — лукаво предложила Даша.

— Но...

Ярослав впал в ступор. Он смотрел на нее, такую маленькую и хрупкую, — а ведь раньше Дашка казалась ему высокой и сильной, постоянно ведь одерживала верх в играх! И молчал. И в этом молчании крылось многое, это молчание разрывало его, в нем было больше слов, чем он мог бы сказать. Он сам стал безмолвием.

И хотя это был сон — реалистичный, но все же сон, — в сердце Яра все сжалось, заledenело и с тонким звоном разбилось. Вновь нахлынули детские воспоминания, и стало и страшно, и больно, и горько. Эти чувства пронзали насквозь, как ледяные стрелы, — били по живому, по горячему, разрывая артерии души.

— Ты чего? — растерянно спросила Даша, словно почувствовав, что происходит с ее младшим братом. — Нет, нет, не надо этого. Я этого не люблю. Это и мне... больно, — прошептала она и подошла к Ярославу.

Девочка коснулась его плеча, и он медленно выдохнул, почувствовав себя спокойнее и защищеннее.

И теплее. Яр осторожно обнял Дашу, понимая, что не должен забыть этот чудный сон и обязательно должен рассказать о нем родным, хотя сам всегда скептически относился к сновидениям. И она обняла его в ответ, прижалась щекой к груди, а после отстранилась, подозрительно шмыгая носом.

— Нам пора, Яр, — потянула его за рукав Даша. — Надо сходить в одно место.

— Какое? — спросил он, следуя за сестрой.

Теперь они держались за руки — как в детстве, когда мама заставляла Дашу брать Ярика на улицу и ей приходилось всюду таскать его с собой на радость подружкам, для которых ее младший братик был как кукла. Мама, конечно, находилась рядом, но Даша все равно чувствовала себя большой и важной от того, что ей доверяют гулять с братишкой.

— Пока секрет, — хитро сказала девочка. — Расскажи мне, как ты. Как мама, как папа? Как Власик с Егоркой? У Власа жена какая-то дура, мне не нравится. Зато детишки классные. На меня похожи, правда? Ну же, не молчи, рассказывай!

И Ярослав, чувствуя себя странно — иногда ему казалось, что он идет прямо по воздуху, не касаясь босыми ногами травы и холодной земли, — рассказывал: быстро, взхлеб, с эмоциями. Как будто ему было десять лет и он просто очень давно не видел сестру.

Болтая, они вышли из коттеджа и направились к лесной чащобе, а через нее вышли к другому берегу неспящего, блестящего под лунным светом озера. Яр не помнил, как они шли по лесу и как спешили вдоль берега — все его внимание в этом сне было сосредоточено на Даше. А она слушала, смеялась и время от вре-

мени посматривала по сторонам, словно ища кого-то. Возле большого камня их ждали — девушка в белом широком платье и с распущенными волосами, волнами струящимися по спине. Джульетта.

— Она уже там, — прошелестел ветром ее тонкий голос. — И все готово.

— Спасибо, — коротко кивнула Даша.

Они остановились. Силуэт Джульетты померк и растворился в ночном воздухе. Но во сне это Яра не удивило.

— Вот и все. Мне пора, — сказала Даша с сожалением.

— Куда? — вцепился в ее руку Ярослав.

— Туда, где я всегда. Даже в этом особом месте — Перекрестке снов — я не могу находиться долго, — вздохнула девочка, но тотчас жизнерадостно улыбнулась. — Тебе нужно будет лишь взять то, что теперь принадлежит тебе. И разделить с ней.

— С кем? — перестал что-либо понимать парень.

Тонкие пальцы Даши выскользнули из его ладони, и она, глядя на брата, сделала несколько шагов назад. Ветер тотчас растрепал ее короткие волосы и неприветливо мазнул по щеке Ярослава.

— Яр? — обратилась к нему сестра напоследок.

— Что? — спросил Яр пересохшими губами.

— Извини, что тогда... Ты меня нашел, — хриплым, каким-то взрослым голосом сказала сестра. Улыбнулась через силу, будто боясь заплакать, и тоже исчезла.

И тут же на Яра обрушился звездопад. Вместе с осколками хрупкого стеклянного неба парень упал в воду, теряя сознание прямо во сне. Озеро, в котором плавали упавшие звезды и осколки небосвода, приня-

ло его в себя и погрузило на дно, сомкнув над лицом свои волны.

В себя Ярослав пришел спустя черную вспышку в сознании, и сколько прошло — минута или час, а может быть, день, не знал. Он распахнул глаза и понял, что очутился в подземной пещере с сырым горьковатым воздухом. Пещера была освещена огнем, искрящимся ровно посредине. Стены и свод пещеры то и дело озарялись отсветами уютно трещащего пламени, от которого вверх искрами взметалось расплавленное золото.

На безымянном пальце правой руки сияло простое серебряное кольцо, и сколько бы Яр, который никогда не носил подобных украшений, ни пытался его снять — не получалось. Казалось, кольцо лишь крепче стискивало его палец при попытке стянуть.

Оставив это бесполезное дело, Ярослав поднялся, пытаясь понять, где находится и что происходит. Он подошел к огню и сквозь его оранжевые языки увидел вдруг Настю. Ему захотелось окликнуть ее, но вдруг он понял, что смотрит не на Настю, а на самого себя.

*Небо бьется, и мы рискуем,
Мы стреляем сердцами в души,
Сами раны в груди рисуем.
Вместо пульса мой голос слушай.*

* * *

Просыпаться категорически не хотелось — сон не отпускал, крепко стиснув мое запястье. Однако громкие голоса, смех и шум то и дело выдергивали меня из

зыбкого забытья. И в какой-то момент все-таки пришлось распахнуть глаза. Мутным взглядом я оглядела комнату, не сразу поняв, где нахожусь. Ах да, гостиная коттеджа на берегу озера. Боже, почему мне так плохо?

Голова гудела, спина затекла, шея ныла, к тому же было холодно — руки и ноги замерзли так, будто их натерли снегом. Ко всему прочему пересохли губы, а горло слегка саднило. И как я только умудрилась заснуть на жестком диване, а не в удобной кровати в спальне. Что на меня нашло? Острый приступ глупости? Я, конечно, выпила вчера несколько бокалов вина, но не могли же они сделать меня невменяемой.

Я осторожно приподнялась, чувствуя себя очень странно — так странно, словно оказалась не в своем теле, даже руки и ноги слушались меня как-то иначе. И казалось, будто я стала больше и выше. Вино паленое? Вот же... Надеюсь, обойдется без последствий. Головокружение усилилось, и в какой-то момент мне показалось, что я даже теряю сознание, но усилием воли мне удалось удержать себя от подобной участи. Сидеть на диване было странно — неудобно, и почему-то клонило назад, так и хотелось расправить шире плечи.

Надо встать и выпить воды. Едва я только об этом подумала, как в гостиную вошел незнакомый парень в штанах и футболке, который молча поднял ладонь в знак приветствия. Я проводила его глазами, подметив заодно, что и с глазами произошли какие-то подозрительные изменения — я словно потеряла часть поля зрения.

Парня этого я никогда раньше не видела, и в голове мелькнула шальная мысль, что вчера поздно но-

чью мы познакомились с обитателями базы отдыха и вместе устроили алкогольное возлияние, к которым я ранее склонна не была совершенно. Не успела я об этом подумать, как в гостиную зашел Шейк — друг Зарецкого — в одних шортах и с полотенцем наперевес. А этот парень тут откуда взялся?! Мы что, вчера стали пить с компанией Зарецкого?!

— Че лежишь? — весело осведомился Шейк, глядя на меня сверху вниз. — Все уже встали, завтракать собираются. Свита готова, короля нет.

Я мрачно посмотрела на парня, но промолчала, ибо на языке у меня вертелись весьма нелицеприятные слова и словосочетания. Ну Темные Силы, наверняка он удружил! Вечно всюду находит себе компании и веселится, а другие страдают! Узнаю, кто меня опоил, — задушу.

— Реально, вставай. Умываться, чистить зубы, бриться будешь? — спросил Шейк тем временем.

— Что? — шепотом спросила я. — Где бриться?

— Понятно. Пил всю ночь в одну морду, — отозвался Шейк и, насвистывая веселую мелодию, направился дальше.

Едва скрылся из виду он, как в гостиную ворвалась незнакомая светловолосая девица в коротком синем платье, поверх которого она накинула теплую кофту — догадалась все-таки, что не знойное лето.

— Доброе утро, Ярочка! — воскликнула девица и обняла меня, прижимаясь так фривольно и тесно, что у меня едва глаза не вывалились из орбит. Пока я тормозила, пытаюсь понять, что происходит и почему меня так называют, девица потерлась своей щекой обо мою, чмокнула в нос и заявила:

— Ты такой ми-и-илый. Но колючий!

Что-о-о?!

Я в панике отпихнула сумасшедшую от себя и, кажется, не рассчитала силы — девица слетела с дивана, легко, как вещь. Она ударилась о кресло, скорчила жалобную мордочку и захныкала. Судя по всему, ей было больно. А я стояла и смотрела на нее, не понимая, почему мир стал... ниже? А зрение — другим. И в теле странные ощущения, а управлять им... сложно? Я как будто на шарнирах. Девчонка продолжала плакать, сидя на полу.

— Эй, Ярый, ты чего?! — выросли около меня еще два каких-то незнакомых типа. Кажется, оба стали свидетелями произошедшего. Лицо одного выглядело удивленным, второго — откровенно злым. Но мне не было до них никакого дела — я в панике коснулась собственной щеки и поняла, что девица права: щека действительно оказалась покрыта легкой щетиной. Кололась.

Все во мне похолодело, но вместо привычного удара страха в солнечное сплетение у меня подкосились коленки, и впервые в жизни я поняла, что это не только литературное выражение. Что со мной?

— Какого черта ты на нее руку поднимаешь? — тяжело смотрел на меня загорелый рослый брюнэт, пока его друг поднимал девушку с пола. Кажется, уже с утра он был нетрезвым: я остро чувствовала неприятный запах алкоголя — обоняние обострилось. — Иди сюда, я тебя правилам вежливости поучу.

— Пошел ты... — бросила ему я, все еще пораженная наличием щетины на собственном некогда гладком лице.

Хриплый мужской голос, сорвавшийся с моих сухих губ, перешел почти на фальцет. Я в ужасе замерла и схватилась рукой за горло, пытаюсь понять, в чем дело. И тут меня накрыло еще большей волной ужаса — шея, которая принадлежала мне, оказалась совсем не такой, к какой я привыкла, — более массивной, с выступающим кадыком. Мужской.

— Я тебя сейчас за нее порву! — вещал брюнет.

Не слушая его, я перевела ошалелый взгляд на руки — они тоже изменились, да еще как! Пальцы вытянулись, ладони стали шире, плотнее и длиннее, под светлой кожей вились переплетения вен, и выступала на запястье косточка... Такой рукой можно было охватить гораздо больше клавиш на фортепьяно, чем привыкла моя рука. И ведь я видела, видела эту руку, и я трогала ее и переплетала свои пальцы с ее пальцами. И...

Не слыша, что дальше орет рослый брюнет, я ощупала свое лицо, убедившись, что оно вовсе и не мое, и инстинктивно прижала руку, сжатую в кулак, к быстро бившемуся сердцу.

Там было... пусто.

В ужасе я схватилась за грудь — вернее, за то место, где у меня должна находиться моя родная грудь, но поняла, что ее нет. Не обращая внимания на грозные крики брюнета и плач девушки, которой помогли подняться с пола, я бросилась к столику, где лежал чей-то телефон, и поднесла его к лицу. На черном тонком экране отражалось чужое лицо. Я стала мужчиной. Но не просто мужчиной, а Ярославом Зарецким.

Брюнет, который мои действия принял за некие изощренные издевательства, не выдержал и попытал-

ся меня ударить. А я даже отдать приказ этому новому телу никакой не смогла — оно само, инстинктивно сгруппировавшись, увернулось от удара. И рука, сжатая в кулак, сама сделала резкий выпад вперед, соприкоснувшись на секунду костяшками с чужим подбородком.

Я никогда не била людей так... До дикого блеска в глазах. До боли. До крови. Противник утер кровь кулаком, усмехнулся зло и бросился на меня. Это происходило словно не со мной. Как будто бы это была не я. Я наблюдала за этим со стороны. Боже, нет. Этого не могло произойти! Это вымысел, сказки, фантастика! Эмоции внутри полыхали как пламя, поглощая бывшее спокойствие и уверенность в себе и в завтрашнем дне. Глаза неожиданно заволокла темнота.

— Парни, вы чего?! — попытался вмешаться второй молодой человек, который поднялся с пола вместе с девушкой.

Но разъяренного брюнета было уже не унять.

Не в силах перенести подобное, я просто упала в обморок до того, как он ударил меня в ответ. Его кулак фактически просвистел над моей головой. Последнее, что мне довелось услышать, — это тихий, но злой голос, принадлежащий Вану:

— Кто мне тут Яра положил? Ты? Значит, ты следующим ляжешь.

...и темнота поглотила меня.

* * *

Ярослав проснулся от того, что у него ужасно болела голова, и вообще он чувствовал себя так, будто его изрядно попинали, покрутили, повертели и засунули

